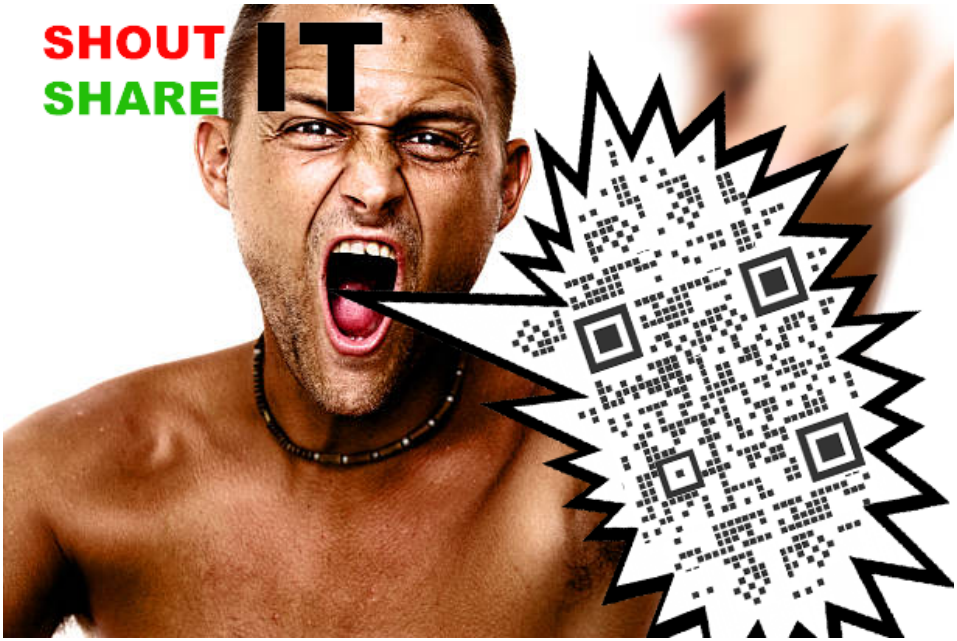
ИДЕАЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ФАНАТОВ «ЧЕРНОГО ЗЕРКАЛА»
И «ПЕРВОМУ ИГРОКУ ПРИГОТОВИТЬСЯ»

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШТАТ

саймон столенхаг


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Америка, 1997 год. Мир пережил техногенную катастрофу. Общество потребления пало. Юная героиня путешествует по выжженной земле вместе со своим единственным другом, желтым роботом. Их цель – во что бы то ни стало добраться до побережья. Но чем ближе они оказываются, тем страшнее становится вокруг. Гигантские боевые дроны, чудовищные руины, разруха… Западной цивилизации пришел конец?

- Саймон Столенхаг
  - ○
  - ○
  - ○ Пустыня Мохаве, Тихоокеания, США
  - ○ Горы
  - ○ Калифорнийская долина
  - ○ Западное побережье
  - ○ Океан

Саймон Столенхаг
Электрический штат

Simon Stålenhag
THE ELECTRIC STATE
Copyright © 2017 Simon Stålenhag Published by arrangement with Salomonsson Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Таулевич Л., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Заставили встать на рельсы
И дорого заплатить
За то, что смеялись в лицо им
И делали что хотим.
Пустоглазые души,
Пыльные сердца,
Крадущие наши жизни,
Высосав их до конца,
Но не впитав.

Полюби мой новый путь.
Иду, куда велит мне разум.

Вытри слезы, подружка,
Гляди вперед, а не вниз.

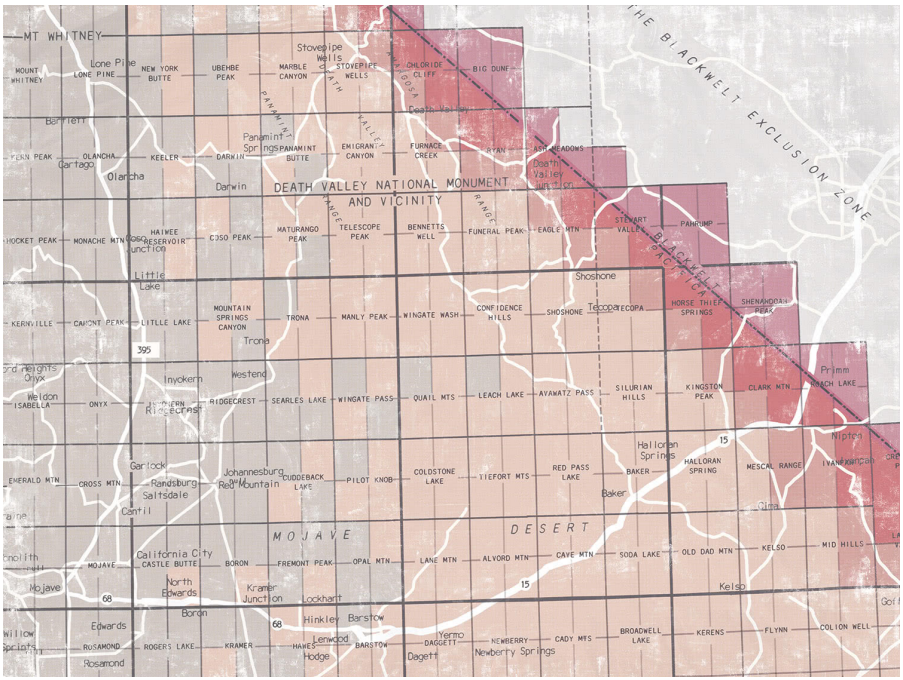
Будь в стороне от гонки,
Зачем тебе нужен их приз?

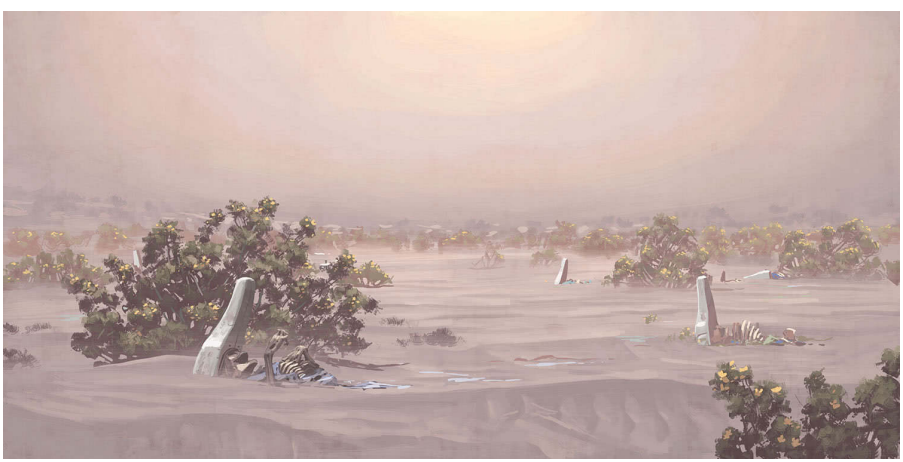
Из песни «Love my Way»,
альбом «Forever Now» группы
«The Psychedelic Furs», 1982

Войну вели и выиграли пилоты дронов – мужчины и женщины, сидящие на постах управления вдали от полей сражений, где семь долгих лет противостояли друг другу в стратегической игре боевые машины. Пилоты правительственных войск жили в симпатичных новеньких пригородах и могли по дороге с работы выбирать из тридцати сортов хлопьев. Технология дронов очень высоко ценилась, поскольку спасала от бессмысленной потери человеческих жизней.

Сопутствующий ущерб был двух видов: мирные жители, случайно попавшие на линию огня, и дети военных пилотов, которые, в угоду неведомым божествам оборонных технологий, все до единого рождались мертвыми.

Пустыня Мохаве, Тихоокеания, США
Весна 1997





Май – время пыли. Порывы ветра поднимаются и угасают в туманной дымке, принося огромные клокочущие массы серовато-коричневой пыли. Она ползет по земле, шуршит в креозотовых кустах, вздымается волнами и постепенно оседает на поверхности.

Когда-то смотрителей маяков предупреждали – нельзя слишком долго слушать шум волн, иначе сойдешь с ума и начнешь слышать в нем голоса.

Словно в этом звуке таится секретный код, разгадав который ты неминуемо вызовешь из морской пучины демонов.

Я больше не слышала ветра. Плечи ныли от тяжелого ружья, ноги двигались автоматически, точно чужие. Мысли блуждали где-то далеко. Я вспоминала Теда, лежавшего под пляжным зонтиком в Зосте с большими разноцветными птицами в руках. Ему что-то снилось, он шевелил губами.

Нащупав языком во рту мягкий комок, я остановилась и выплюнула серый сгусток тягучей слюны. Скип подошел ближе. Я наступила на плевок, похожий на пушистую гусеницу, и хотела растереть по песку, но только скатала в длинную спагеттину. Скип посмотрел на меня.

– Обычная пыль, – сказала я.

Достала из рюкзака бутылку с водой, прополоскала рот и выплюнула. Надевая рюкзак, я заметила поодаль розовое пятнышко. Из песчаного холмика торчал кусочек тонкой ткани, развевавшийся на ветру, словно маленький розовый парашют. Я подошла и поддела его ногой. Это оказалась пара трусиков.

Розовые трусики сдуло ветром из открытого багажника на крыше черного «олдсмобиля». Улетевшую оттуда одежду разбросало по всей стоянке. Не считая толстого слоя пыли, машина – весьма недешевая – казалась вполне жизнеспособной: ни спущенных колес, ни разбитых фар, даже окна целы.

Ее владельцы – судя по всему, обеспеченная пожилая пара – покоились рядышком на песке. На заднем сиденье лежали две продолговатые картонные коробки и валялись пенопластовые шарики. В остальном в салоне царил идеальный порядок. Сразу было видно, что хозяева любили свою машину и заботились о ней. Надеясь пополнить скудные запасы наличных, я обыскала их карманы. У женщины ничего не нашла, а в левом кармане мужчины обнаружились ключи от авто и сложенный конверт, в котором лежали карта города с пометками, десять долларов одной купюрой, две квитанции из Центра нейростимуляции и два разрешения на въезд в Канаду. Я села за руль, вставила ключ в замок зажигания и повернула. Раздалось тихое урчание, машина деликатно кашлянула и завелась. На панели управления возникли электронные символы, запиликали часы, дисплей под спидометром осветился зеленой надписью: «Добрый день!» Наклонившись вперед, я поцеловала рулевое колесо и поняла: если повезет, мы доедем на этой машине до самого Тихоокеанского побережья.

Уолтер, ты однажды спросил, зачем он им понадобился. Ну, в смысле, мальчик. Боюсь, любое объяснение, произнесенное вслух, покажется безумным. Такое объяснить невозможно.

Ты знаешь, как устроен мозг? Ты имеешь хотя бы отдаленное представление о том, что нам известно о работе мозга и сознания? Нам, людям? Я говорю не о каких-то новомодных фокусах, а всего лишь о сумме знаний, накопленных добросовестными учеными за триста с лишним лет сложных экспериментов и ревностной проверки теорий. О том, что мы поняли, влезая людям в голову, изучая человеческое поведение и проводя опыты, чтобы узнать истину и отделить ее от чепухи, которая не имеет под собой никаких оснований. О понимании мозга, результатом которого стали такие вещи, как нейронная война, нейрографическая сеть и Центры нейростимуляции. Много ли ты об этом знаешь?

Полагаю, ты все еще придерживаешься общепринятых взглядов двадцатого века. Твое «я» сидит где-то у тебя в голове, подобно пилоту в кабине самолета. Ты веришь, что оно представляет собой совокупность воспоминаний, чувств и всего, что заставляет тебя плакать, и что все это находится в мозге. Ведь было бы странно, находись оно в сердце, которое, как тебя учили, всего лишь мышца. В то же время ты не можешь примириться с фактом, что все, являющееся тобой – мысли, опыт, знания, чувства и взгляды, – должно существовать внутри твоего черепа. Поэтому ты стараешься не зацикливаться на этих вопросах, говоря себе: «все не так просто» и удовлетворяясь смутным изображением чего-то бесплотного и прозрачного, плавающего в неопределенной пустоте.

Наверное, ты даже не облекаешь это в словесную форму,

однако мы оба знаем: ты имеешь в виду то, что раньше называли душой. Ты веришь в невидимый призрак.

Я сидела в машине с работающим вхолостую двигателем, рассматривая карту Скипа. Он нарисовал красный кружок в море чуть севернее города-мемориала Сан-Франциско, рядышком с мысом, длинным пальцем протянувшимся в воду. На самом кончике «пальца» стоял маленький городок под названием Пойнт-Линден, который Скип отметил жирной красной точкой. К карте была прикреплена брошюрка с описанием дома номер 2139 на Милл-роуд.

Я не знала точно, где мы находимся, предполагала, что где-то к западу от границы Тихоокеании, в районе межштатной магистрали 15. Большинство дорог в юго-восточной Тихоокеании, скорее всего, вышли из строя из-за пыли, но мне хотелось по возможности избегать крупных городов и густонаселенных районов на западе. Не все сразу. Сначала нужно просто двигаться в западном направлении, пока не появятся нормальные дороги: если повезет, севернее автострада 395 будет открыта, и мы сможем проехать по малонаселенным сельским районам с восточной стороны Сьерры-Невады. Так и сделаем.

Видимость сильно ухудшилась, я с трудом различала очертания трассы под толстым слоем пыли. То и дело прямо на дороге попадались брошенные машины, и я не отваживалась ехать быстрее двадцати пяти миль в час. Подавшись вперед, я вглядывалась в окружающее пространство до боли в глазах и вскоре совсем вымоталась. После обеда ветер набрал силу, стало совсем ничего не видно. Придется пережидать непогоду. При первой возможности я съехала с шоссе и остановилась, как предполагала, на стоянке для отдыха. Бесновавшийся в кустах

ветер поднимал клубы песка и пыли, которые вскоре поглотили все вокруг.

Когда мы начали засыпать, нас охватила воющая темнота. Машина качалась от ветра, и мне казалось, что я сплю в чреве гиганта.

К утру ветер утих, пыль опустилась, и мы увидели снаружи исполинские фигуры облезлых желтых утят. Сначала я подумала, что их принесло ночной бурей, потом, оглядевшись по сторонам, поняла: мы остановились пережидать шторм в некоем подобии тира – все утята были испещрены следами от крупнокалиберного оружия.

Мы несколько часов исследовали заброшенное стрельбище. Нашли полный набор инструментов в коробке и пол-ящика патронов, а на матрасе в сарае обнаружили нечто, лежащее на спине и тупо уставившееся в потолок. Судя по всему, это была самоделка. На большом круглом лице зиял бездонной дырой ярко-красный рот. Брезгливо поежившись, я осторожно, через рукава рубашки, взяла фигуру за туловище и перевернула на бок. Найдя в коробке для инструментов отвертку, открыла люк на спине и вытащила три больших ванадиевых редокс-аккумулятора, еще теплые.

Вернувшись в машину, я хотела вставить ключ в замок зажигания, когда меня остановило непонятное гнетущее чувство, как будто я что-то забыла. Я отстегнула ремень, взяла ружье и вышла, наказав Скипу запереться в машине. Осторожно закрыла дверь и пошла назад.

Владелец секс-робота нашелся в заброшенном мобильном доме на другом конце тира. Беззубый бородатый старик задыхался под нейрозаклинателем. Его тело усохло и сморщилось, в трейлере стояла страшная вонь. Под потолком

висел огромный бак с липкой желтой жижей, от которого через капельницу тянулась трубка к руке старика. Трудно было сказать, сколько пролежало здесь это абсолютно беспомощное подобие человека. Я обнаружила под кроватью свернутые трубочкой двести долларов в стеклянной банке, взяла их и ушла.

Чтобы сбежать из запретной зоны, потребовалось две ночи. Я не хотела проезжать через дорожные посты средь бела дня, поэтому перед последним отрезком до Барстоу дождалась темноты. Я надеялась раздобыть там еду и бензин, а потом уже повернуть на север, на автостраду 395. Однако за последние несколько лет пустыня заметно продвинулась на запад и практически поглотила Барстоу. Засыпанный пылью и песком город совершенно опустел: мы повстречали лишь нескольких бродяг, волокущих повозки через песчаные барханы. Заправиться удастся только в Мохаве, который находился гораздо западнее, чем мне бы хотелось.

Машина плыла сквозь непроглядную ночь пустыни, словно

подводная лодка. В половине четвертого утра на горизонте возникли огни Мохаве. Когда мы подъехали ближе, я выключила фары и двигалась совсем медленно, пока не увидела мигающие желтые огни блокпоста. Тогда я остановилась на обочине. Скип спал, пришлось его разбудить. Он сел и долго смотрел в окно. Я объяснила, что мне нужна помощь. Выйдя из машины, мы прошли последнюю сотню метров пешком, сдвинули барьеры, чтобы можно было проехать, а затем вернулись и поставили их на место. Я не отважилась включить фары, пока не въехала в город.

Наконец нашлась удобная парковка. Прежде чем устроиться на заднем сиденье и закрыть глаза, я увидела, что шторм отступает, словно гигантская стена из коричневой ваты.

В Мохаве удалось сделать много полезного. Я постирала одежду, купила еды, заправила и помыла машину и даже нашла комиксы и игрушки для Скипа – фигурки из «Космического малыша».

Город пустел на глазах. Кругом стояли груженые машины. Люди выносили из домов кровати, диваны, большие телевизоры, грузили их в трейлеры или на крыши автомобилей. В супермаркетах, полных народу, царил хаос. Напуганные покупатели смотрели друг на друга с опаской, словно боялись, что вот-вот начнется грабеж.

Опухшие, взвинченные мужчины тащили куда-то жен и детей. Возле магазина электроники с деловым видом стояла кучка молодых ребят в бронежилетах, с автоматами и рациями. Довольные собой, они хотели выглядеть серьезными и суровыми.

Я сидела в одиночестве во дворике ресторана «Бургер Бокс» с куском яблочного пирога. В патио – ни души, только маленький мальчик с понурым видом прыгал на желтом батуте у входа.

Малыш обмочился: по ноге до самого низа тянулась струйка. Когда наши взгляды встретились, он раззявил в улыбке беззубый рот и крикнул:

– Попрыгай со мной!

Я огляделась. Мы были одни.

– Где твои родители?

– Везде! – ответил мальчик.

На войне я видел, как убили человека. Мы с Максом курили на террасе за павильоном Б в Форт-Халле и разговаривали о лазанье. Незадолго до происшествия Макс, оказавшийся большим любителем этого блюда, как раз делился со мной рецептом соуса бешамель. Никто не заметил, как над горизонтом появился черный штурмовой корабль. Все произошло в мгновение ока: короткая очередь, всего три выстрела; две пули ударили в бетонную стену за нашими спинами, а третья угодила Максу в скулу, возле носа. Я бы не хотел вдаваться в лишние подробности, но в данном случае

именно в них все дело, так что умолчать нельзя. Пули, выпущенные из штурмовых кораблей, весьма необычны. Магнитный неодим движется со скоростью более двенадцати тысяч футов в секунду. Кинетическая энергия – просто невообразимая. Пуля снесла все, что было выше рта Макса.

Я скрючился на земле, ошеломленно рассматривая что-то розовое, разбросанное по тротуарным плитам, и пока не взревела система тревоги Форт-Халла, успел подумать: «Ну, вот и все! Прощай, рецепт соуса бешамель!» Но даже если бы я постарался собрать эти ошметки и засунуть их обратно в дыру, которая еще недавно являлась черепом Макса, рецепт все равно был бы потерян. Лазанья из мозга Макса напоминала замысловатый коктейль, с помощью которого соединялись между собой эти розовые куски, точно так же, как любовь и ненависть, тревога и творчество, искусство, законы и порядок. То, что отличает нас, людей, от вставшей на задние лапы обезьяны. Все это разлетелось по тротуарным плитам, и человечество не знало способа собрать разрозненные части воедино.

Так я прозрел. Я хочу сказать: то, что мы называем лазаньей, является на самом деле объектом чувственного восприятия, который возникает где-то между самими частями мозга и тем, как они соединяются между собой. Тот, кто утверждает, что лазанья – нечто большее, явно недооценивает сложность мозга и то, каким образом могут быть соединены его части. Либо переоценивает феномен лазаньи.

Оставив позади город, мы двинулись в пустыню. К северу от Мохаве совершенно безлюдная автострада 395 прямой линией прорезала голый пейзаж. От вида за окном становилось не по себе. После трех недель в бесплодных землях Черного мира, где

видимость никогда не превышала сотни метров, мы внезапно очутились на бескрайних просторах. Машина ползла, как черный жук по огромному листу белой бумаги.

Я была здесь раньше, лет в четырнадцать – меня возили в пустыню Тед с Биргиттой. Руководствуясь предположением, что «художественное творчество пойдет Мишель на пользу», они купили мне фотоаппарат. Моя первая идея состояла в том, чтобы сделать серию фотографий погибших на дороге животных, однако Биргитта заявила, что не позволит моей болезненной страсти к разрушению испортить поездку, когда я попросила остановиться возле сбитого машиной койота.

Они сказали, что цель путешествия – побыть вместе, получше узнать друг друга и приятно провести время, как в старые добрые времена, поэтому мне не разрешалось надевать наушники. Биргитта без конца приглушала радио и морочила мне голову рассказами, как распалась Тихоокеания – из-за того, что слишком нянчилась с нейронаркоманами. Она много распространялась о самоуважении и ответственности, которых, как правило, не хватает наркоманам, вроде моей матери.

Потом мы поехали в национальный парк. Во внутреннем дворике сувенирного магазина слонялись похожие на меня светловолосые девочки-подростки с мамами и папами, вроде Теда и Биргитты. Все они раздражали друг друга и спорили о куртках, детских колясках и солнцезащитном креме, о том, что и когда есть и сколько это стоит. А когда Биргитта пошла заказывать еду, я сказала Теду, что хочу покраситься в черный цвет, а он вспомнил, что в шестидесятых носил длинные волосы. Мы побеседовали о том, как повлияли «Битлз» на Курта Кобейна. Потом Биргитта вернулась с едой, Тед спросил у нее, пойдут ли

мне черные волосы, и Биргитта усмехнулась:

– Нет, милочка, просто надо получше за собой ухаживать.

Ничего не сказав, я сбежала в туалет, посидела там немного и решила, что порыв ярости прошел, однако, вернувшись к столу, схватила с соседнего столика оставленный кем-то поднос и треснула Биргитту сзади по голове. Блюдца, пластиковые контейнеры и недоеденные сэндвичи так и полетели во все стороны. Не знаю, откуда у меня взялись силы, – я схватила ее за волосы, связанные в пучок, и, ударив лицом об стол, сломала ей нос.

Тогда мне было стыдно за свой поступок. Теперь, проезжая по знакомым местам и вспоминая ту давнюю историю, я ни капельки не раскаивалась. Биргитта заслужила и это, и все, что случилось потом. Верно сказано: «Что имеем – не ценим, а потерявши, плачем». Чертовой гадины больше нет, и мне все равно.

Скип увлеченно листал комиксы. Я попробовала найти нормальную музыку, но сквозь помехи пробивалась одна-единственная песня «Буду любить тебя вечно» на испанском. К черту!

Как ни странно, покушение на приемную мать сыграло мне на руку. Я оказалась в Саммерглейде, лагере для трудных подростков, где встретила Аманду. Она училась в моем классе в Риверсайде и загремела в лагерь после нападения с электрошокером на химичку.

В лагере нашим воспитанием занималась Вики Соренсен – водила нас в долгие походы вокруг небольшого озера под названием Эсквагама. Мы таскали тяжелые рюкзаки, разбивали палатки и учились выживанию на природе; вставали ни свет ни заря, разводили костры и готовили завтрак в небольших

алюминиевых котелках, а затем сворачивали лагерь и снова шли в поход вокруг озера. Время от времени мы останавливались и решали какую-то выдуманную проблему, чтобы научиться доверять друг другу и сломать спираль разрушения, которая мешала нам быть счастливыми и с надеждой смотреть в будущее.

Мы с Амандой намазали пару трусиков рыбьей слизью и засунули в рюкзак Вики Соренсен.

Через несколько лет после Саммерглейда мы сидели у Томми во дворе. Конни, сестра Шона, отрывала от сигаретных пачек алюминиевую фольгу и делала обручальные кольца для Криса, а я прислушивалась к разговору Томми с Амандой. Потом Крис решил поехать в известняковый карьер искупаться. Когда мы втиснулись в машину, я оказалась на коленях у Аманды, а рядом с ней сидел Томми, который тут же обнял ее и принялся гладить по плечу. Я не могла понять, нравятся ли Аманде эти посягательства, потому что она не сопротивлялась, а когда мы выехали на дорогу, Томми взялся теребить пальцами ее волосы. Я отвернулась и стала смотреть в окно. Аманда, должно быть, заметила, что мне не по себе – незаметно для всех положила руку мне на бедро и начала водить большим пальцем вверх и вниз по джинсам. По моему телу разлилось приятное тепло, я затаила дыхание и уже не слушала, кто что говорит, пока мы не вышли из машины возле карьера.

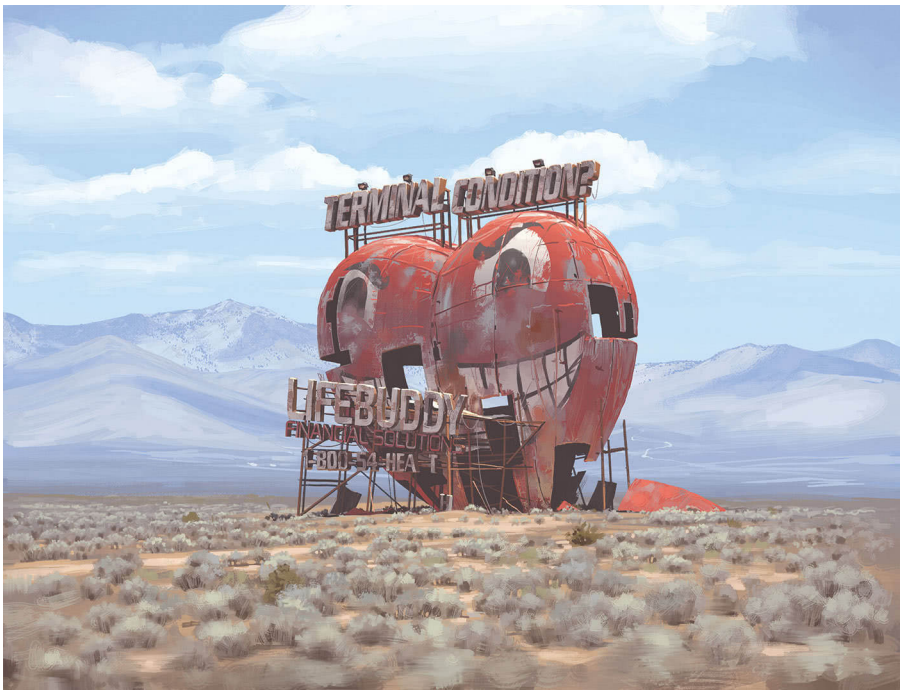
В изумрудно-зеленой воде стояла вышка для прыжков, Томми с Шоном красиво ныряли с высоты, а Конни визжала от страха, когда Крис балансировал на перекладине на самом верху. Затем все поплыли на другой берег, а мы с Амандой забрались на вышку. Спустились сумерки, и внизу плескалась вода, и ветер шевелил верхушки берез, и вдалеке на Лафайет горели миллионами светлячков огни автомобильных фар, и Аманда сказала:

– Мишель, у тебя самая белая кожа в Зосте.

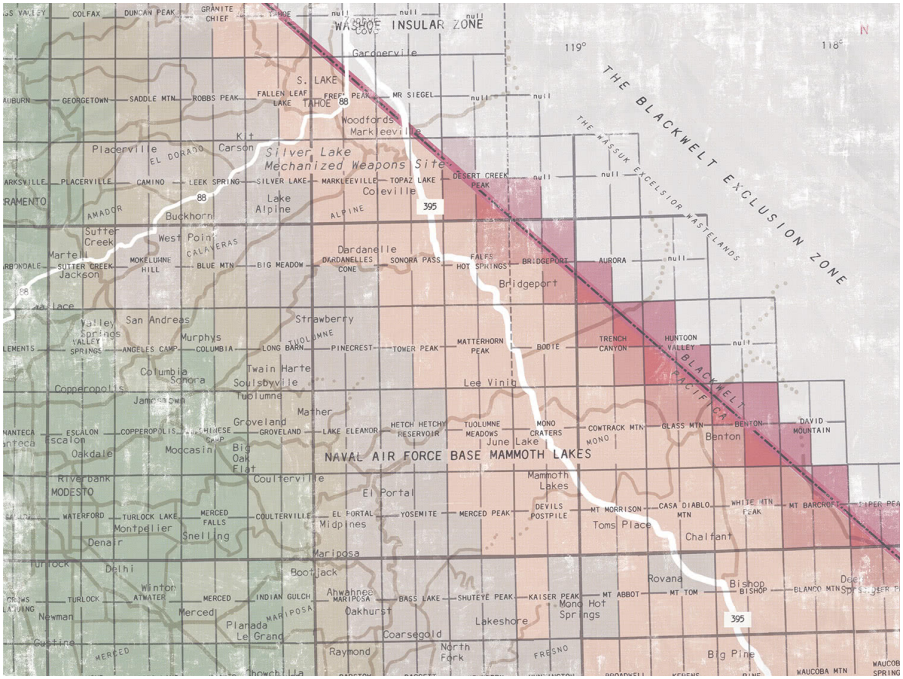
Она поцеловала меня в темноте под вышкой, где никто не мог нас видеть. Меня трясло как в лихорадке, но я соврала, что это от холодной воды.

Осенью я научила ее, как можно проникнуть на могильник в Итаске, и показала, как добывать блеск мечты из нейроников, оставшихся от Эргинской катастрофы. Мы толкли блеск, растапливали его и делали таблетки, которые затем продавали одному парню на Вандевент по пять долларов за штуку, а еще записали дорожку от порнофильма на кассету и вставили в музыкальный автомат возле церкви, где проводил службу отец Аманды. Мы вместе закатывали глаза на уроках и прогуливали школу, вместе забирались в чужие дворы, вместе воровали

одежду и пластинки, и я вдруг поняла, что больше не хочу сбегать из Зоста.



Горы


WASHOE INSULAR ZONE
THE BLACKWELT EXCLUSION ZONE
Silver Lake Mechanized Weapons Site
NAVAL AIR FORCE BASE MAMMOTH LAKES
Placerville
Carson
Lake Alpine
Buckhorn
Dardanelle
Bridgeport
Strawberry
Twain Harte
Groveland
Mather
Coulterville
El Portal
Mammoth Lakes
June Lake
Lee Vining
Mariposa
Oakhurst
Coarsegold
Raymond
Toms Place
Chalfant
Rovana
Bishop
Big Pine
Lakeshore
Mono Hot Springs
Merced
Modesto
Oakdale
Sonora
Jamestown
Columbia
Copperopolis
Angels Camp
Murphys
San Andreas
Valley Springs
Escalon
Manteca
Ripon
Riverbank
Waterford
Turlock
Denair
Delhi
Hilmar
Newman
Gustine
Los Banos
Dos Palos
Firebaugh
Madera
Chowchilla
Fresno
Clovis
Auberry
Prather
Shaver Lake
Big Creek
Huntington Lake
Kaiser Pass
Mono Lake
Lee Vining
Benton
Owens Valley
Independence
Lone Pine
Olancha
Cartago
Keeler
Death Valley Junction
Tecopa
Shoshone
Baker
Barstow
Victorville
Hesperia
Apple Valley
Lucerne Valley
Yucca Valley
Twentynine Palms
Joshua Tree
Indio
Coachella
Palm Springs
Desert Hot Springs
Cabazon
Banning
Beaumont
Calimesa
Yucaipa
Redlands
Loma Linda
San Bernardino
Rialto
Fontana
Ontario
Upland
Rancho Cucamonga
Claremont
Pomona
Chino
Chino Hills
Diamond Bar
Walnut
Rowland Heights
La Puente
West Covina
Glendora
San Dimas
La Verne
Azusa
Duarte
Monrovia
Arcadia
Sierra Madre
Altadena
Pasadena
South Pasadena
Alhambra
San Gabriel
Rosemead
El Monte
South El Monte
Baldwin Park
Irwindale
Covina
Temple City
Monterey Park
Montebello
Pico Rivera
Whittier
La Habra
Brea
Fullerton
Placentia
Yorba Linda
Anaheim
Orange
Tustin
Irvine
Lake Forest
Mission Viejo
Laguna Niguel
Dana Point
San Clemente
Capistrano Beach
San Juan Capistrano
Rancho Santa Margarita
Aliso Viejo
Laguna Hills
Laguna Woods
Laguna Beach
Huntington Beach
Fountain Valley
Westminster
Garden Grove
Santa Ana
Seal Beach
Los Alamitos
Cypress
Stanton
La Palma
Buena Park
Norwalk
Santa Fe Springs
Whittier
La Mirada
Hacienda Heights
Rowland Heights
Walnut
Diamond Bar
Chino Hills
Chino
Ontario
Montclair
Upland
Rancho Cucamonga
Fontana
Rialto
San Bernardino
Colton
Loma Linda
Redlands
Yucaipa
Calimesa
Beaumont
Banning
Cabazon
Desert Hot Springs
Palm Springs
Cathedral City
Rancho Mirage
Palm Desert
Indian Wells
La Quinta
Indio
Coachella
Thermal
Mecca
North Shore
Salton City
Desert Center
Blythe
Needles
Parker
Lake Havasu City
Kingman
Bullhead City
Laughlin
Searchlight
Pahrump
Beatty
Tonopah
Goldfield
Hawthorne
Yerington
Fallon
Lovelock
Winnemucca
Battle Mountain
Austin
Eureka
Ely
Wendover
Elko
Wells
Jackpot
Owyhee
Mountain City
Jarbidge
Rogerson
Twin Falls
Burley
Rupert
Heyburn
Malta
Albion
Oakley
Hailey
Ketchum
Sun Valley
Stanley
Challis
Salmon
North Fork
Gibbonville
Leadore
Tendoy
Lemhi
Mackay
Arco
Howe
Atomic City
Idaho Falls
Ammon
Iona
Swan Valley
Irwin
Alpine
Palisades
Freedom
Etna
Star Valley Ranch
Afton
Thayne
Alpine
Grover
Cokeville
Kemmerer
Diamondville
Opal
Fossil
Evanston
Mountain View
Lyman
Granger
Green River
Rock Springs
Wamsutter
Baggs
Dixon
Savery
Hanna
Medicine Bow
Rawlins
Sinclair
Wamsutter
Creston Junction
Table Rock
Point of Rocks
Bitter Creek
Superior
Cumberland Gap
Hiawatha
Rangely
Meeker
Craig
Hayden
Steamboat Springs
Oak Creek
Yampa
Phippsburg
Kremmling
Granby
Grand Lake
Hot Sulphur Springs
Fraser
Winter Park
Tabernash
Granby
Kremmling
Parshall
Hot Sulphur Springs
Bond
Minturn
Red Cliff
Vail
Avon
Eagle
Gypsum
Edwards
Wolcott
Eagle-Vail
Dotsero
Glenwood Springs
New Castle
Silt
Rifle
Parachute
Battlement Mesa
Grand Junction
Fruita
Loma
Mack
Gateway
Whitewater
Palisade
Clifton
Grand Junction
Redlands

Большинство горных перевалов стояли в снегу, так что нам пришлось ехать почти до самого Карсон-сити, и только там мы обнаружили открытую дорогу на запад через горы. Мне не хотелось забираться так далеко на север, поскольку вся долина реки Карсон была печально известна отсутствием каких-либо законов. На юго-запад удалось повернуть только на магистрали 88 в Гарднервилле, которая привела нас в округ Элпайн и поселки-трущобы Фредериксберг, Пейнсвилл и Меса-Виста. Здесь возникли целые жилые комплексы, очевидно, берущие энергию от найденных суспензионных двигателей. Я точно знала, что это противозаконно, однако к востоку от гор царило полное беззаконие. У нас заканчивался бензин, и я хотела по-маленькому, но у колонок в Вудфордсе заправлялись несколько огромных внедорожников, вокруг которых топтались вооруженные парни в камуфляже и солнцезащитных очках, а на платформах стояли игровые беспилотники. Поэтому я поехала дальше.

В конце концов я остановила машину на развороте для фур,

отбежала в кустики и присела на корточки. И вдруг заметила в подлеске рядом с дорогой худющую кобылу – кожа да кости.

– Привет, малышка, – сказала я.

Лошадь повела ушами и повернула голову. На месте глаз у нее зияли две темные дыры.

Слушая записи Скипа, мы не сразу заметили, что пейзаж за окном стал более гористым. Дорога струной тянулась через скалистую долину, по неровной земле прыгали быстрые тени от облаков.

Наша машина напоминала микроскопический зонд внутри снежного шара. Из-за хребта торчал меж валунами остов старого штурмовика; на орудийной башне кто-то нарисовал мультяшную мордашку.

Скип выпрямился на сиденье и уставился на корабль.

– Да, вижу, сэр Астор, – сказала я.

Скип не отрывал взгляда от лукавой мордочки межгалактического космического кота, пока тот не остался далеко позади.

Я все гадала, от чего ослепла лошадь. Должно быть, от какой-то болезни. Когда я жила у дедушки в Кингстоне, мы часто брали на выходные одноглазого песика, Коди – маленького, лохматого, не помню, какой породы. Иногда он натыкался на фонарные столбы. По воскресеньям мы втроем гуляли по берегу искусственного озера. Там стояли мобильные дома, а однажды прямо на тропе я нашла дохлую рыбину. Мы брали в прокате водный велосипед и плыли к небольшому островку посреди озера, где располагался ресторанчик «Вафельная кухня». В озере водились огромные карпы, совсем ручные и жирные – посетители скармливали им остатки вафель. Толстые карпы подплывали к

лодке, и Коди заходился от лая.

В ресторане был монетный автомат с нейрографической игрой, которым никто никогда не пользовался. Экран работающего вхолостую автомата показывал видеоролик со стадиона. Я стояла перед автоматом с маленькой одноглазой собачкой на руках и мечтала поиграть.

В последний раз я видела Коди на похоронах дедушки.

Дорога пробилась через горный хребет в следующую пустынную долину; огромный плакат предупреждал, что мы въезжаем в зону военных ограничений. Скип уснул, а я рассматривала машины на дистанционном управлении, ползавшие по долине. Длинные гибкие радиоантенны придавали им сходство с гигантскими насекомыми.

Дедушка всегда застилал мою постель особым образом. Он засовывал подушку под простынь, а сверху клал еще одну подушку. Потом шла верхняя простыня с кружевным краем, который отворачивался поверх одеяла. Дедушка был очень

разборчив в отношении того, как все должно выглядеть в его доме.

Я прожила с ним в Кингстоне три года. Весь город провонял какой-то гадостью, круглосуточно извергаемой дымовыми трубами на верфи, где строили суспензионные корабли. Как и остальные старики в Кингстоне, дедушка работал на верфи и все время страшно кашлял. Ночью я лежала в постели, слушая, как он хрипит в ванной, и не могла уснуть, пока он не начинал снова похрапывать у себя в спальне. Однажды вечером, когда мы играли в шахматы на кухне, он сильно закашлялся и упал лицом на игральную доску, разбросав шахматные фигуры. Два месяца спустя я оказалась у Теда с Биргиттой в Зосте.

Автострада 88 вела все выше и выше, и у меня заложило уши. Склоны гор были покрыты снежными пластами, а вдоль дороги лежали грязно-серые груды снега, неотличимые от гравия. Вдалеке я увидела огромное улыбающееся лицо – рекламное объявление, которое подмигнуло мне и скрылось за деревьями.

Небо прорезали линии электропередач. Заехав за поворот, мы увидели массивное сферическое здание, торчавшее из леса на склоне горы. Вырывавшиеся оттуда пар и вода прокладывали себе дорогу между изломанными стволами деревьев и образовывали потоки, стекающие через дорогу. На здании висела реклама Центра, и я предположила, что это их рук дело. Наверняка там, внутри, роятся миллионы умов, и энергия, необходимая, чтобы удовлетворить их, растапливает снег.

Вот бы кто-нибудь вырвал эти сооружения из земли, чтобы они скатились с гор в предместья, расплющили все, что осталось от чертовых домов, садов и ответственных родителей с их внедорожниками, и навеки упокоились среди заброшенных городов, как надгробные памятники человечеству!

Когда это началось? Даже не помню. Думаю, начиналось все как обычное развлечение – ну, как телевизор. Иногда смотришь телевизор, иногда сидишь в нейрозаклинателе. Без разницы. Странности пошли после грандиозного обновления тысяча девятьсот девяносто шестого. Режим шесть.

После этого телевизор практически не включали. В доме стало тише. Помню, когда мы с Амандой возвращались из школы, Тед с Биргиттой могли так и сидеть на диване в гостиной в нейрошлемах – в полной отключке. Однажды вечером мы смеха ради переодели их, и Аманда нарисовала Биргитте усы.

Как-то раз, когда мы все собрались на кухне, я заговорила об этом: спросила, почему они постоянно сидят в нейрозаклинателях. Они не слишком обеспокоились и ответили, что действительно в последнее время немного увлеклись. Тед потрепал меня по щеке.

– Правильно рассуждаешь, Мишель. Надо уделять тебе

больше внимания.

И надавил пальцем мне на нос: би-бип!

В другой раз Тед попытался объяснить мне, почему у него вечно мокрые пятна на футболках и рубашках в области груди.

– Ничего страшного, такое бывает, – сказал он. – Лактация встречается у мужчин чаще, чем мы думаем. Это называется галакторея, и она совершенно безобидна. Только стирать замучишься!

А однажды Тед сидел в кабинете за столом, в трусах и майке. Его губы под нейрошлемом двигались, уголки рта подергивались. Мне понадобилось перезапустить зависший модем. Нагнувшись над столом, я заметила небольшую каплю, материализовавшуюся на поверхности, прямо в центре светового круга от настольной лампы. И еще одну. Следующая капля упала мне на руку. Сначала я подумала, что Тед пускает слюни, но потом увидела, что от его дрожащих сосков стекают по животу тонкие струйки белой жидкости.

На дороге показались желтые сервисные роботы, нагруженные массивными катушками с проводами. Точно гигантские черепахи, они медленно проследовали на другую сторону и скрылись среди корявых альпийских деревьев, над которыми проходил кабелепровод нейрографической сети.

Бензином удалось разжиться в Кук-Стейшн: я залила полный бак и на всякий случай взяла еще две канистры, которые поставила в багажник. Ресторан не работал, и я купила в магазине сэндвич, копченую говядину и несколько банок газировки. Вышло солнце, мы сели на заднее сиденье, я перекусила и отдала остатки сэндвича Скипу, который побежал кормить местных бурундуков.

– По-моему, ты подхватил бурундукоз, – сказала я.

Через некоторое время он сел и уронил голову мне на плечо.

– Устал? – спросила я.

Скип кивнул.

– Я тоже. Давай отдохнем немножко.

Когда я проснулась, снова шел дождь. Скип стоял поодаль на гравийной дорожке, вглядываясь в кусты. Подойдя ближе, я

увидела между двумя стволами деревьев одинокую беленькую собачку породы чихуахуа, в крошечном пальтишке, она дрожала и смотрела на нас, подняв острые ушки.

– Пойдем, Скип, – попросила я. – Надо ехать. – Схватила его за руку, и мы вернулись к машине.

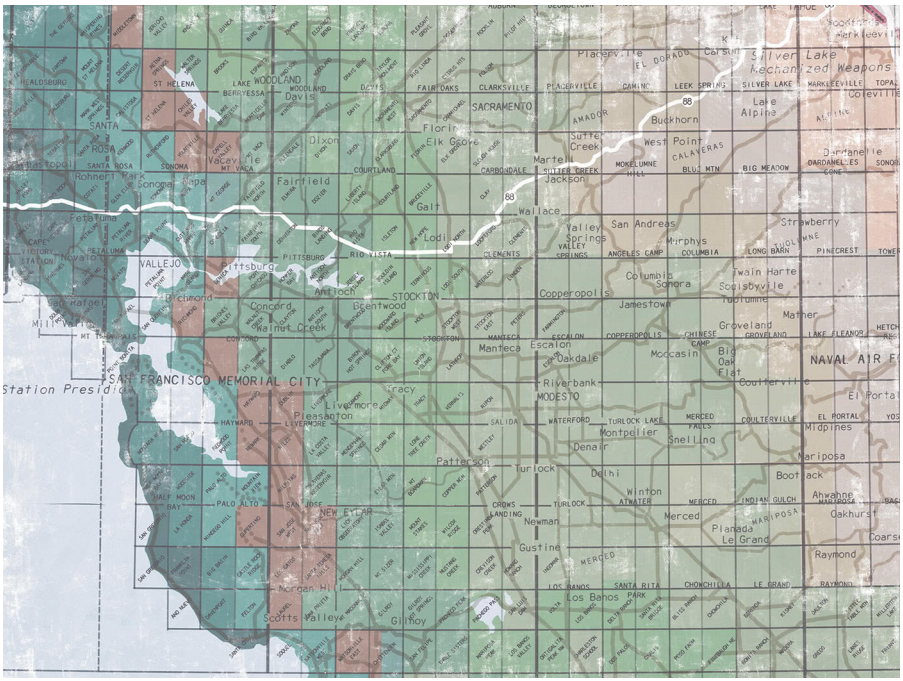
В Начале сотворил Бог нейрон, и когда через трехмерную матрицу нервных клеток в головном мозге потекло электричество, возникло сознание. Чем больше нервных клеток, тем лучше. Наш мозг содержит сотни миллиардов нейронов, поэтому именно мы, а не шимпанзе, готовим лазанью. Повторюсь: никто не понимает, как все это работает. В шестидесятые годы нейроника уделяла основное внимание нашей способности читать, копировать и отправлять информацию в мозг, а самым крупным ее открытием стал способ мгновенно передавать эту информацию от пилота к беспилотному летательному аппарату. Нейронику никогда не интересовало наше понимание

разума. В ее основе лежит технология «вырезать и вставить», разработанная с целью создания удобного пользовательского интерфейса для усовершенствованных роботов, построенных по заказу военных в начале семидесятых годов. Всего лишь джойстик с расширенными возможностями.

Итак, если человеческий интеллект формируется во взаимодействии сотен миллиардов клеток мозга, что произойдет, если подключить их к еще нескольким сотням миллиардов? Можно ли на нейронном уровне связать два мозга или более? Если да, то какой тип сознания может возникнуть из такой значительно более крупной нейронной матрицы?

Кое-кто полагает, что коллективный разум сформировался внутри военной сети нейрографов во время войны как побочный эффект от невероятного количества нервных клеток, связанных друг с другом. Даже придумали термин: межцеребральный интеллект. Те же самые люди считают, что это высшее сознание пытается принять физическую форму, воздействуя на репродуктивные циклы пилотов, управляющих дронами. В таком случае именно на нем лежит ответственность за всех мертворожденных детей во время войны. Свое сообщество они именуют Конвергенцией. Я бы, наверное, отмахнулся от них, как от очередного технокульта Новой эры, если бы семнадцать лет назад не увидел того, что двигалось по снегу на острове Чарлтон.

Калифорнийская долина



Шоссе 88 наконец спустилось в долину с упорядоченной сетью автодорог. На первый взгляд мир по эту сторону гор еще не остановился. Под красными сигнальными огнями нейрографических башен неспешным потоком текли автомобили; люди, не затронутые цепной реакцией, начавшейся в глубине материка, занимались обычными делами. Меня это не обрадовало. Чем больше проблем у полиции и не в меру любопытных граждан, тем меньше внимания они обратят на мою скромную персону. Строго говоря, я украла машину, да и оружие, и если нас остановят – игра окончена. Я, сколько могла, избегала крупных магистралей и старалась держаться подальше от больших городов. Теперь движение становилось все более оживленным, и я запаниковала. Нас кто-то увидит. Нас точно увидят и остановят. Так нельзя, надо съехать с дороги.

Сперва я хотела просто припарковаться где-то в укромном местечке и подождать в машине, но мне пришло в голову, что полиция очень любит беспокоить автомобилистов, сидящих без дела в укромных местечках. Можно снять номер в мотеле, да

денег было в обрез. Кроме того, наверняка потребуют документы. Здесь, где сохраняется видимость нормальной жизни, нельзя привлекать внимание, тем более, что мы так близки к цели.

В конце концов мы все же остановились в небольшом мотеле в городке под названием Мартелл. Документов у меня не спросили. Вообще ничего не спросили. Мужчина за стойкой явно не обрадовался, что пришлось снять нейрозаклинатель. Как только я взяла у него ключ от номера, он вновь надел шлем и унесся в свои грезы.

В комнате ничего не работало: экран телевизора мерцал серой рябью, а кондиционер вообще не подавал признаков жизни. За окном сгустилась темнота, времени на отдых оставалось совсем мало. Скип неподвижно сидел на полу, выстроив перед собой игрушки и бессильно опустив голову.

– Скип, ты соня. Собери игрушки и сядь в кресло, не то в темноте я о тебя споткнусь, – сказала я, поставила будильник на три часа, упала на кровать и уснула.

По деревянному полу патио растеклась вода. В траве желтела лимонным комом вязаная кофта Биргитты. Я включила освещение и постояла у кромки бассейна, глядя вниз. На неподвижной поверхности воды кружились размокшие кусочки картофельных чипсов, а Биргитта мраморной статуей лежала на дне – тяжелое, набравшее воды тело, и светодиоды на

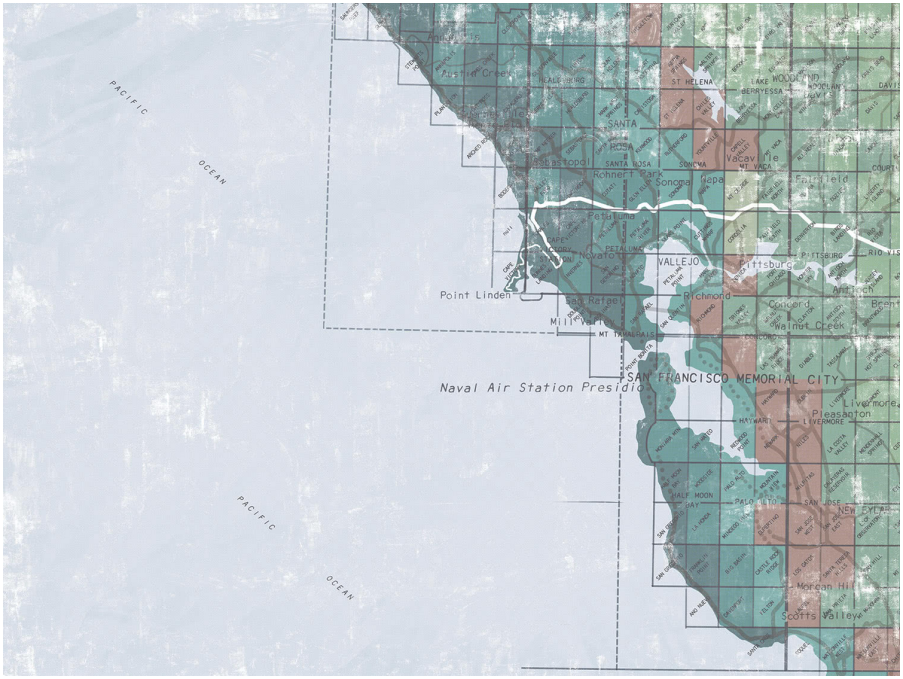
заклинателе все еще горели, словно тлеющие угольки. С ее губами происходило что-то странное: они двигались, как у человека, разговаривающего во сне. А потом Тед снял с нее нейрошлем, и она наконец умерла.

Я отнесла Скипа в машину. Пришлось открыть люк у него на затылке, чтобы посмотреть на дисплей и убедиться, что робот еще онлайн. Я испугалась, потому что он совсем остыл.

Когда мы вновь тронулись в путь, нас обступила непроглядная тьма, из-за которой образы в голове казались реальнее, чем мир за окном. Взгляд мутно-серых глаз Биргитты блуждал по комнате, ища то, что у нее забрали. Сколько она пролежала на дне бассейна? Несколько часов? Она исторгла из себя воду на диван и скрючилась в углу, не подавая признаков жизни. Тед сидел на полу, ошеломленный и разбитый горем, и держал ее за руки, как будто играя с куклой. Когда ее увезли, он сел на диван и еще долго сидел, тупо глядя в пустоту, затем надел нейрошлем и откинулся на спинку дивана.

Небо начало сереть. Мы все утро ехали через какие-то поселки и в городке, разделенном на две части широкой шестиполосной магистралью, свернули на запад, на узкую проселочную дорогу под названием Бодега-авеню. Вскоре цивилизация осталась позади. В полях из темноты начали появляться огоньки нейрошлемов – их измученные обладатели длинными вереницами брели по окрестностям. Некоторые останавливались и смотрели нам вслед. В последние недели в Зосте, просыпаясь по утрам, я видела подобные толпы, в замешательстве бродившие по улицам, – беспокойные ночные животные, возвращающиеся в свои норы и логова.

Западное побережье



В воздухе повисла дымка. Тучи со стороны океана спустились по холмам к самой дороге, стекла окон оросились мелким туманом.

За несколько миль до Томалеса мы проехали через Уэстморлендский Мемориальный парк – нечто вроде военного кладбища. Высоко над холмом, изрытым воронками, поднимались из тумана два огромных корабля. Подъехав ближе, я заметила машины, припаркованные в кратерах, узкие дорожки и пешеходные мостики вокруг кораблей и вспомнила, как мы однажды спорили в классе о бомбардировщиках в Мемориальном парке Фолуэлл в Зост-сити. Половина класса была уверена, что корабли в парке – всего лишь копии, в то время как другая половина с пеной у рта доказывала, что они самые настоящие.

Выехав на дорогу вдоль побережья, я едва не уснула за рулем и свернула на остановку для отдыха. Выключила двигатель и достала карту. За стоянкой тянулась заболоченная пустошь, переходившая в мелководное озеро, а по другую сторону водной глади поднимался горный хребет. Я предположила, что это и есть

бухта Бодега, а хребет на другой стороне – уже мыс Победы. Если так, то через полчаса пути мы достигнем Приюта Данна, где нужно повернуть на небольшую дорогу, ведущую через мыс прямо в Пойнт-Линден.

Скип проснулся и сидел, глядя на другую сторону озера. Он указал на гребень, где стояло одинокое сухое дерево.

– Ты знаешь это место? – спросила я.

Скип кивнул.

– Ты бывал здесь раньше?

Робот оживленно закивал, переводя взгляд с меня на дерево и обратно. Он едва не подпрыгивал от нетерпения.

– Все нормально, Скип. Можешь достать плеер и послушать «Космического малыша». Уже скоро. Я только чуть-чуть отдохну.

Не знаю, долго ли я спала. Может быть, час. Скип, как и следовало ожидать, сидел в наушниках. Я похлопала его по плечу.

– Если хочешь, можем слушать дальше по автомагнитоле.

Робот достал диск из плеера и вставил его в магнитолу. Я положила карту в сумку, подняла спинку сиденья, и мы вновь отправились в путь.

В дальнем конце бухты виднелись три штурмовика. Гордость федеральной армии, когда-то они стояли на взлетно-посадочных полосах, и их капитаны на глазах у многотысячной толпы пожимали руки президентам. Вырванные из неба, выпотрошенные и пережеванные морем, корабли вернулись, чтобы служить гнездовьями для птиц. Вот «Амфион». От гордости космических сил осталось десять миллионов тонн ржавчины и птичьего дерьма.

Нейроники на таких «Амфионах» выжгли мозг моей матери, и

присутствие здесь этого корабля показалось мне символичным.

Горстка заколоченных магазинчиков – вот и весь Приют Данна. Мы повернули направо и поехали по бульвару Сан-Августин – разбитой проселочной дороге, которая моментально вывела нас из городка.

Весь мыс Победы представлял собой сплошную свалку. Хотя на карте в качестве свалки была отмечена небольшая площадка во внутренней части бухты, на самом деле она раскинулась повсюду. За каждым поворотом открывался вид на бесконечные нагромождения старых суспензионных судов и боевых беспилотников. Некоторые пострадали в сражениях, другие остались более или менее неповрежденными, но повсюду прошлись сборщики сырья: корпуса вскрыты, обшивка сорвана, оборудование вынесено. Некоторые суда были выпотрошены практически полностью, на траве остались только скелеты, лишенные внутренностей.

Так я и выросла. Господи, бедный ребенок! Проклятая мать!

Как же они назывались? Большие корабли с маленькими внутри – конечно же, «Амфион». Как назывались маленькие? «Пенфей Ф» или что-то вроде того? Добраться до нейроников в контрольном отсеке такого «Пенфея» было проще простого, особенно для такой малышки. Я знала, что надо искать черные провода с желтыми муфтами. Еще помню небольшие штурмовые корабли – «Автезионы». По словам матери, мой отец управлял «Автезионом» в битве при Бойсе. Такие корабли считались у сталкеров золотой жилой. Внутри контрольной камеры находилась панель с люками, отмеченными желтыми наклейками, оттуда можно было вытащить стержни и достать пластиковые фильтры – если вставить ручку в маленькое отверстие сбоку стержня, он разваливался на две части. На фильтры обычно налипал нейрит.

На склоне очередного холма среди обломков паслись коровы. Невероятно мирное зрелище, вот только дальше вдоль дороги лежали коровы мертвые, почти разложившиеся, похожие на мумии. Казалось, что некоторые туши двигаются, впрочем, такое впечатление создавали стервятники, собравшиеся на падаль. Когда мы проехали вблизи, птицы взлетели и закружились на ветру, как семена одуванчика. Я посмотрела на стаю в зеркало заднего вида. Она амебой проплыла в воздухе над мертвыми животными, развалилась на части и вновь стеклась вместе.

До пятого класса я успела пожить в трех городах и поучиться в четырех школах. Бывало, даже заводила друзей. Многое зависело от того, как чувствовала себя мать и где мы могли поставить наш трейлер. Когда остальные дети возвращались домой к своим семьям и шли на футбол, на каток или в гости, я помогала матери добывать химические вещества, которыми ее перестали снабжать собственное тело и родная страна. Когда я приходила в новую школу, школьному автобусу приходилось менять маршрут и проезжать через районы, которых никто из детей прежде никогда не видел. Это был своего рода подарок моим одноклассникам. Там, где мы жили, детям не рекомендовалось выходить из автобуса.

Время от времени в тумане возникали фигуры местных дроноподобных бродяг с мешками и пучками проводов. Увидев их, я осознала – это жуткое место напомнило мне о матери; меня охватила непонятная ностальгия, и я задумалась, откуда берутся воспоминания. Сборщики провожали нас взглядами. Очевидно, в последнее время здесь мало кто проезжал.

Раньше мне приходилось изо всех сил заставлять себя не думать о матери; теперь это было поразительно легко. Словно я переступила невидимую черту, и открытая рана зажила. Остался след, зарубцевавшаяся ткань, как у людей, которым восстанавливают изуродованное лицо после аварии или несчастного случая, и они могут потрогать шрам, не испытывая обжигающей боли. Сначала, когда я только приехала в Кингстон, я думала о матери постоянно. На первой же перемене в новой школе я разрыдалась. Все дети пялились на меня, и я засунула голову под парту. Класс погрузился в неловкое молчание, учительница стала объяснять, что «Мишель сейчас переживает сложное время», и за мной пришел дедушка.

В какой-то момент, лет в десять, я решила забыть о матери и ни с кем о ней не говорить. Я продержалась шесть лет, пока однажды вечером не рассказала все Аманде на пустой детской площадке. Мы сидели в гамаке, моя голова лежала у нее на коленях, и Аманда поглаживала мой лоб. На руках у нее были вязаные перчатки без пальцев – серые, со снежинками. Она носила эти перчатки всю зиму, а весной уехала.

Еще немного об Аманде, пока не забыла: гораздо позже, примерно через год после ее отъезда, у нас на пороге появился ее отец. Эрнест Генри. Его действительно так звали. Преподобный Эрнест Генри. Мы никогда с ним особо не общались, но он помнил, что я училась с Амандой в одном классе. Он спросил, можно ли поговорить с кем-то из взрослых, и я провела его в гостиную.

Это было вскоре после смерти Биргитты. Тед сидел на диване в нейрошлеме, совершенно голый. В тот день я даже не потрудилась его прикрыть, когда пришла со школы. Святой отец повернулся ко мне и сказал, что лучше, наверное, поговорить со мной.

Мы сидели на кухне. Вертя в руках чашку с кофе, преподобный выразил озабоченность тем, что происходит в Зосте. Он подозревал, что нейрографическая сеть посылает сигналы, которые заставляют людей болеть, уничтожают их волю и превращают в рабов. Святой отец полагал, что это дело рук сатаны, который с помощью нейрозаклинателей сбивает людей с

пути истинного и готовит почву для грядущего апокалипсиса. Эрнеста Генри уже давно беспокоили нейрошлемы, и он пытался предупредить своих прихожан: Господь дал нам глаза, уши, рты и тела, чтобы мы радовались миру, созданному Им для нас, а обещание нейроники переместить наш разум в искусственные тела нарушает Его волю. Преподобный организовал движение, цель которого – помочь людям бороться с зависимостью. Учитывая то, что он увидел в гостиной, Эрнест Генри подумал, что в моих интересах присоединиться к этому движению.

Затем он спросил, подвергалась ли я искушению использовать нейрозаклинатель. Я ответила, что врачи выявили у меня врожденное неврологическое расстройство, из-за которого один зрачок больше другого, и с нейрониками ничего не получается. Я просто ничего не чувствую. Преподобный сказал, что я должна благодарить за это Бога: Он защитил меня.

Я не отрывала взгляда от маленьких желтых пакетиков сахарина, которые отец моей подруги разрывал и высыпал в чашку. Он начал перемешивать кофе. Когда я спросила об Аманде, по лицу Эрнеста Генри расплылась блаженная улыбка, и он ответил, что тетя с дядей помогли Аманде найти путь к Богу, а то, что я ее не забыла, согревает ему сердце.

– Вы с ней очень дружили, не правда ли? – спросил он.

Заунывный звон ложечки в фарфоровой чашке поднялся над кофе, взлетел к потолку, где пронзил болью чешуйницу, пролился на хлопья, овсянку и порошок для вафель, которые вздрогнули в своих коробках, и заполнил всю кухню. Я вспомнила синяки, которые оставлял преподобный на теле своей дочери, отвернулась и ответила:

– Нет, не особо.

Неожиданно перед нами выросло препятствие: дорожные работы застопорились – очевидно, все рабочие заблудились в своих нейронных грезах.

По обе стороны дороги показались деревянные постройки, выкрашенные в белый цвет. Дом, сарай, конюшня. Деревянный заборчик из штакетника. Ферма. Белое дерево темнело от влаги, словно до недавнего времени было погружено в воду и пережило нападение водорослей. На узком мостике с разнесенными металлическими стержнями, чтобы не прошел крупный рогатый скот, мне пришлось сбросить скорость. В загонах виднелись стойла с мертвыми телятами. И вдруг я заметила в темном зеве большого сарая справа от дороги какое-то движение. Огромное улыбающееся лицо. Сначала я подумала, что в сарай убрали старый рекламный щит, однако то, что там находилось, проследило за нами взглядом и взмахнуло рукой. Оно было живое. Скип повернул голову и опасливо помахал в ответ, затем посмотрел на меня. Что это такое? Мне не понравилось ни то, что оно нас увидело, ни то, как оно помахало. Зачем оно помахало?

Дорога совсем испортилась, как будто мы вот-вот упремся в тупик. Строго говоря, так и было: других дорог в Пойнт-Линден не существовало. Мыс Победы вообще представлял собой один

сплошной тупик. Пытаясь стряхнуть гнетущее чувство, я продолжала следить в зеркало заднего вида за сараем. Нет, ничего. Ферма выглядела совершенно заброшенной. Дом сгорел: стены почернели, часть крыши провалилась.

На выезде из городка стояли два полицейских автомобиля.

Парализованная страхом, я судорожно сжала руль и резко нажала на тормоз. Ключи от машины закачались в замке зажигания, тикая, как стрелки старых часов. Я не могла оторвать взгляда от полицейских машин и ждала, что в любую секунду на нас начнет кричать громкоговоритель. Просидев так несколько минут, я наконец открыла дверь и поставила одну ногу на асфальт. Скип бросился ко мне и схватил за руку.

– Все в порядке, Скип. Если мы будем хорошо себя вести, они нас не тронут.

Я с трудом оторвала от рукава механические пальцы робота и вышла из машины, не сомневаясь, что все кончено и я больше никогда не увижу Скипа. Я сгнию в камере занюханного полицейского участка, когда все копы Тихоокеании по той или иной причине бросят свои посты.

Но ничего такого не случилось. В патрульных машинах никого не было, на асфальте лежали пистолет и стреляные гильзы.

Вернувшись за руль, я долго сидела, сжимая в руке ключи и пытаясь отдышаться. Меня била нервная дрожь. Затем я сделала несколько глубоких вдохов и повернулась к Скипу.

– Прошу разрешения запустить варп-двигатель.

Мой голос дрожал. Признаться, в этот раз получилось не очень похоже на сэра Астора. И все-таки Скип поднял руку и отсалютовал.

– Благодарю, капитан, – сказала я и повернула ключ.

В город мы въехали почти ночью. Я совсем вымоталась и отчаянно хотела спать. Скип уже спал. Я остановилась в темноте

под диким кипарисом, выключила двигатель и вышла из авто. Ни машин, ни людей. Только стрекот сверчков и отдаленные раскаты грома. Над холмами светились красные огни нейрографических башен. К счастью, наше появление никого не заинтересовало. Я легла на заднее сиденье, сложила руки между коленей и свернулась калачиком.

– Проснись, Мишель. Тебе всё приснилось. Джим с Барбарой мне объяснили. Мы просто играли. Все хорошо. Это понарошку.

У моей кровати стояла Аманда. Я взяла ее за руку и прижалась губами к пальцам. Она отдернула руку. Я соскользнула на пол и зарылась лицом в ее штанину. Что они с тобой сделали?

Когда я проснулась, в машине стоял ледяной холод. Скип замер на переднем сиденье, глядя в окно. Откуда-то снаружи доносился пульсирующий шум, как будто там работала гигантская стиральная машина. Сквозь запотевшие стекла мерцали красноватые вспышки. Я протерла окно рукавом и

посмотрела в образовавшуюся прогалину. На другом конце стоянки колыхалась толпа людей, окружившая что-то огромное. Повсюду мигали нейрошлемы. Люди собрались вокруг объекта, напоминающего гигантский восстановленный дрон, от него и шел странный звук. Голова и поднятая рука его могли принадлежать раньше одному из боевых роботов, применявшихся на нейродромах. Пучки проводов тянулись от головы вниз, словно щупальца осьминога, и вились по асфальту к минивэну, на водительском сиденье которого я с трудом разглядела бледный торс обнаженной женщины. Она прижалась к стеклу, ее глаза были закрыты, а лицо искажено страстью.

Скип повернулся и посмотрел на меня. Я приложила палец к губам. Пересела за руль и взяла с заднего сиденья ружье, нацелив его в пол. Мы ждали. Провода оставались в автомобиле, наверное, минут десять. Затем выбрались из минивэна и уползли в гигантскую круглую голову; корона костлявых пальцев закрылась за ними, как два сложенных кулака.

Пульсирующий звук затих. Чудовище развернулось и двумя гигантскими шагами исчезло в тумане. Толпа начала расходиться и постепенно растворилась во мгле, лишь кое-где в подлеске мигали светлячки нейрошлемов. Мы сидели совершенно неподвижно, затаив дыхание.

Когда стоянка вновь опустела, я положила ружье на заднее сиденье. Подавшись вперед, чтобы завести машину, увидела, как дверь минивэна открылась, и оттуда вышла та самая женщина, теперь в платье. Она одернула подол и скрылась в тумане.

Мне до сих пор это снится. Шла последняя зима войны. Нас отправили ремонтировать оборудование на авиабазе на острове Чарлтон в Гудзоновом заливе. По-видимому, они потеряли связь с командованием, и, поскольку дело было зимой, все подумали, что виновата непогода. Я не знаю, как это описать. Словно их всех превратили в термитов или нечто подобное. Я имею в виду то, что они построили. То есть в нем не было ничего человеческого. Человеческий разум просто не способен до такого додуматься. Такое создать и заставить так двигаться. И так пахнуть. Страшнее всего было в столовой. Столы и стулья сложили вдоль стен, а посреди комнаты поставили несколько мусорных контейнеров, куда их складывали. Детей. Мертворожденных. Говорю же, мне до сих пор это снится.

Что-то двигалось по снежной равнине, далеко на белом просторе. Оно вздымалось над снежной коркой невообразимыми скачками. Мы сожгли его. Сожгли все.

Ни один из ста пятидесяти человек персонала базы не

прожил более нескольких часов после того, как с них сняли нейрошлемы. Так что, когда члены Конвергенции рассуждают о межцеребральной божественности и о том, как во время войны она пыталась принять физическую форму, я не намерен спорить. Я бы не назвал то, что видел на острове Чарлтон, божественным, хотя это точно не имело никакого отношения к человеку. Конвергенты верят, что во время войны суперинтеллекту удалось вызвать по крайней мере одну успешную беременность, и что этот ребенок несет в себе идеальный нечеловеческий геном, и что святая обязанность Конвергенции – обеспечить его размножение.

Может, это и безумие. Не имеет значения. Не важно, что вы об этом думаете. Важно лишь, что у Конвергенции денег куры не клюют и что этот мальчик для них очень ценен. Возможно, это наш последний шанс, поэтому просто вспомните, что земля уже горит у нас под ногами. Что дороги скоро станут непроходимыми и мы потеряем свой последний шанс.

Теперь слушайте. В тайном раю мыса Победы произошло нечто невероятное. Монстры существуют – создания, которых я видела в тумане на мысу, нельзя назвать иначе, как монстрами. Я имею в виду, что они построены большей частью из металлолома и их создали люди. Я могла ясно разглядеть части дронов: ногу, руку, смеющееся лицо. Но было еще кое-что. Сложность, которой я никогда раньше не наблюдала. Провода, пластмасса, сталь и смазка превратились в непроницаемую органическую массу, в нечто собранное не как попало, а с определенной целью, и эта невообразимая масса медленнно колыхалась. Как будто дышала.

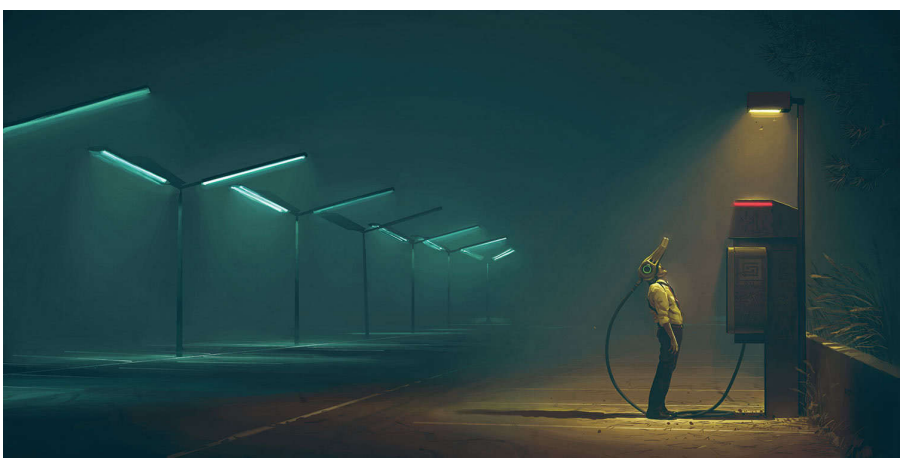
Когда эта штука вышла из тумана перед нашей машиной, я испугалась. И одновременно я была… потрясена. Как, заблудившись в дремучем лесу, выходишь вдруг на огромного дикого зверя. Помимо чудовищности и нелепости, в создании чувствовалось что-то еще… пожалуй, самое точное слово – величие. Впечатление усиливали движущиеся следом граждане Пойнт-Линдена – сотни людей, связанных нейрошлемами друг с другом и с блестящим от смазки богом в тумане. Спокойно и мирно обойдя нашу машину, они вновь собрались в толпу и вскоре растворились в тумане.

Улицы Пойнт-Линдена были совершенно безлюдны. Пока мы медленно катили между пригородными садами, я вглядывалась в крошечную карту из папки риелтора. Элдер-роуд, Джефферсон-роуд, Честнат-стрит, Оуквуд-авеню, Гамильтон-лейн. Обычные

названия заурядных улиц, на которых стояли ничем не примечательные дома, заселенные когда-то самыми обычными семьями.

Сады заросли и одичали. Кое-где из травы вырастали причудливые фигуры – неприкаянные, скрученные зародыши, стремящиеся явиться на свет.

Должна признать: они меня поразили. Почему-то захотелось остановить машину, подойти к ним, потрогать и внимательно рассмотреть каждое из этих странных разрастаний. В другой реальности мне бы это понравилось. Я бы спокойно шла по улицам, зачарованная, пусть и с некоторым отвращением. Сейчас все было вывернуто наизнанку. Мы сами – фантастический нарост, скопище больных душ в здоровом мире. За нами нет никакой безопасной повседневной жизни, нет нормальности, в которую можно вернуться, и единственный выход – впереди.



Знаю: то, что мы делаем, нельзя назвать цивилизованным.

Но подобное произошло и с тобой. Как и я, ты проснулся однажды и внезапно осознал неизбежное: мы больше не живем в цивилизованном мире.

К дому номер 2139 по Милл-роуд мы подъехали поздно вечером одиннадцатого мая 1997 года, через шесть месяцев после того, как Скип нашел меня в Зосте, и теперь самое время рассказать о моем брате.

Кристофер родился, когда мне было четыре, двенадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Мама всегда говорила, что у него нет отца, поэтому я думаю, что он мой брат только наполовину. Помню врача – человека в голубых перчатках и военной форме, который держал на руках грудного ребенка, завернутого в одеяло. Он сказал:

– Это твой брат, Мишель.

Они сразу поняли, что с ним что-то не так, что-то с мозгом, и еще до трех лет он перенес больше тридцати операций. Когда мне исполнилось семь, мать уволили из BBC, мы остались без помощников, и дедушка научил меня всем премудростям: как менять Кристоферу подгузники, как его одевать, чем кормить. И именно дедушка начал называть его Скипом.

Еще вспомнилось: когда мне было девять, мы жили с матерью в трейлере на свалке, где-то в северной Либертарии. Мать потрошила карманным ножом нейритовые кабели, а мы с пятилетним Скипом играли среди обломков кораблей, и я нашла фигурку Космического малыша. Скип любил этого героя, смотрел все до единого эпизоды с ним и, когда мы играли, всегда был Малышом, а я – его приятелем, космическим котом сэром Астором. По вечерам мать уезжала с мужчинами, которые давали ей деньги, а я рассказывала Скипу истории о Космическом

малыше и сэре Асторе, об их отважных приключениях в далеких галактиках. Брат никогда не расставался с найденной мной игрушкой. Примерно через год или чуть больше я обнаружила мать лежащей без сознания на полу трейлера. Я прошла больше трех миль по шоссе, держа за руку Скипа, пока не встретила людей. Мать умерла годом позже в больнице в Хоббсе, брата забрала социальная служба, а я оказалась у деда в Кингстоне.

Когда Скип пришел за мной в Зост, город доживал последние дни. Я как раз увидела, как вооруженные незнакомцы выволокли из дома и застрелили мою соседку через дорогу, мисс Стайлс. Тед уже неделю лежал на берегу реки. Аманда давно пропала, и мое почерневшее, разбитое сердце еле билось где-то на опустевших улицах Зоста.

Я не ела несколько дней. Собственно, еда у меня имелась – консервы и старые макароны в кладовке, однако, должно быть, я сознательно решила умереть. Теперь точно уже не помню, но думаю, так я и решила.

Не знаю, как Скип нашел Космического малыша, а уж тем более меня, но когда я увидела на дорожке желтого робота с игрушкой в руке, той самой, которую я подарила девять лет назад своему брату, то сразу всё поняла.

– Это ты, Скип? – сказала я.

Робот кивнул и протянул мне игрушку.

Я села на дорожку и заплакала. Как я говорила, Тед целую неделю лежал на берегу. Он растянулся под пляжным зонтом, и когда мы уезжали из Зоста в его старой «королле», стервятники уже съели большую часть его тела, однако губы под рогом нейрозаклинателя еще шевелились, словно он мечтал о чем-то прекрасном.

Дом будто в судороге передернули толчки, как при

землетрясении, пол задрожал под ногами, и я, не медля ни секунды, бросилась к худенькому мальчику на кровати и обняла его. Что-то загрохотало, посыпались хлопья краски и штукатурки. Я сжала веки и приготовилась к тому, что сейчас на нас упадет крыша. Последняя мощная волна пронеслась через дом, где-то зазвенело разбитое стекло, и все затихло. Я лежала, обнимая мальчика, и слышала только тихое гудение вентиляторов в его нейрошлеме.

Через какое-то время я открыла глаза и посмотрела на мальчика. Осторожно повернула его голову немного набок и там, за ухом, как раз под обрезом шлема нашла кое-что: длинный глянцевый шрам от операции. И долго сидела, держа брата за руку. Когда Скипа на моих глазах увезли из Кингстона на заднем сиденье автомобиля социальной службы, ему было шесть лет, а когда я подняла его с кровати в доме номер 2139 на Милл-роуд – четырнадцать. Я понятия не имела о том, что пережил мой брат за эти годы. Он почти ничего не весил, и казалось, что самое тяжелое в нем – нейрошлем. Сколько брат пролежал там? Каким чудом не умер? Я отнесла его в ванную и умыла, намочив полотенце, а потом снова долго сидела, держа руку на его щеке и слушая пальцами пульс.

На кухне что-то загрохотало, и я инстинктивно потянулась к оружию, лишь потом сообразив, что Скип до сих пор управляет суетящимся на кухне желтым роботом. Тот вошел в ванную и остановился перед нами, держа в руках банки с консервированными фруктами.

Мы сейчас в заброшенном магазинчике в Пойнт-Линдене. Я накормила Скипа консервами, он выпил немного минеральной воды, и я раздобыла ему новую одежду и кроссовки в магазине спортивных товаров через дорогу.

Я до сих пор не сняла с него нейрозаклинатель – боюсь. Пока боюсь. Не могу выкинуть из головы Биргитту, которая замертво рухнула на диван, едва Тед снял с нее нейрошлем.

Рано или поздно снять придется. В байдарку уместятся только два человека, и робот сломается, и я не знаю, что делать. Просто не знаю. Вскоре надо будет выйти к морю, и тогда я это сделаю. Завтра утром. Завтра утром я сниму шлем.

Океан

PACIFIC
OCEAN
PACIFIC
OCEAN
PACIFIC
OCEAN
Point Linden
Naval Air